

Предлагаем вниманию читателей главу из нового романа Юрия ПОЛЯКОВА "Дедушка влюбился". Редакция "Завтра" благодарит Юрия Михайловича за уникальную возможность первыми её опубликовать. Вначале — несколько вопросов автору.

— Юрий Михайлович, в последние годы у вас вышли один за другим четыре тома романа "Совдетство". Их ждали с нетерпением, обсуждали. Но раздавались и голоса, что это уже мемуаристика, что новым тем у вас нет. И вот новый роман.

— Да, действительно, пять лет жизни я отдал тетралогии "Совдетство", охватывающей 60-е годы прошлого столетия — золотой век советской эпохи. А до этого я выпустил роман "Весёлая жизнь", там сюжет разворачивается в "андроповское междуцарствие". Однако назвать мою, как я её сам называю, "вспоминательную прозу" "мемуарами" может только человек, плохо разбирающийся в литературных жанрах или предвзято ко мне относящийся, а таких в связи с моей гражданской позицией и русским миропониманием немало, в том числе и во власти. "Совдетство" и "Весёлая жизнь" имеют такое же отношение к мемуаристике, как "Лето Господне" Шмелёва, "Конduit и Швамбрания" Кассиля, "Семейная хроника" Аксакова, "Алмазный мой венец" Катаева. Если кто-то интересуется моими в прямом смысле слова мемуарами, то пожалуйста: отсылаю вас к книге "Как я был... Злопамят-

— Вы придерживаетесь патриотических взглядов. Но в ваших романах персонажи из другого лагеря описаны тоже очень точно, со знанием материала.

— "Дедушка влюбился" — в жанровом отношении текст синтетический, это и семейная сага, и история любви, и "производственный роман" (речь идёт о современном ТВ), и авантурная история, и в добавок ко всему это острая социальная сатира, бичующая всё то, что, как раньше говорили, "мешает нам идти вперёд". События первой части разворачиваются буквально накануне СВО и во многом объясняют то, что случилось потом... Откуда я знаю клеветников и злопыхателей России? А откуда Толстой знал обитателей салона Анны Шерер, а Достоевский — доморощенных Смердяковых? Они живут рядом с

нами. Напомню историю выражения "пятая колонна". По законам военного искусства, когда брали крепость, наступали на неё с четырёх сторон четырьмя колоннами, а вот пятая гнездилась внутри и ждала часа своего предательства. Чтобы описать людей такого типа, не надо даже выходить за ворота осаждённой крепости, достаточно уметь наблюдать, слушать и оценивать, что я и делаю. Думаю, многие узнают себя в моих сатирических персонажах.

— Вы много ездите по стране, встречаетесь с людьми. О чём "вопросы из зала" на этой вашей "Прямой линии"?

— Да, завет Гоголя писателям "проездиться по России" я выполняю усердно. В частности, езжу на свои премьеры. Недавно мою комедию "Ангел влияния" замечательно поставил Самарский художественный театр — коллектив с огромным потенциалом и, как водится у нас, без своего помещения. Каким-нибудь золотомасочным матерщинникам давно бы хоромы подыскали. А тут бережное отношение к классике, великолепно поставленные "Волки и овцы". Да разве ж можно допустить такое в старинном городе на Волге?!

О чём спрашивают? О литературе, о писательской кухне, о прототипах, о замыслах, но больше всё-таки о судьбе Отечества, нашем будущем, о том, что происходит в Союзе писателей России, о социальной несправедливости, об уродованиях русского языка... Однажды я, перепутав время, пришёл на встречу с читателями в рамках

«Портрет писателя Полякова». Художник Геннадий Животов

книжной ярмарки на час раньше и был вынужден слушать выступление одного из лауреатов "Большой книги", любимца Роспечати. Спрашивали его о сущей чепухе: в котором часу встает, что ест на завтрак, кого любит больше — кошек или собак, чем их кормит, где отдыхал

в последний раз... Он отвечал подробно и с удовольствием. Наконец наступило время моей встречи, и первый же вопрос — в лоб: "Юрий Михайлович, что будет с Россией и по каким причинам СВО уже сравнялась по продолжительности с Великой Отечественной?" Я, ко-

нечно, как мог, ответил, но потом заинтересовался, мол, а что же вы у предыдущего оратора всё про кошек и собак, а не про судьбы Отечества спрашивали? Знаете, что они мне ответили: "А какой смысл? Он бы всё равно увильнул или навраг..." Я не увильваю...

— В два? — ахнули труженики, толпясь вокруг и желая пожать руку бывшему кандидату в члены Политбюро, который ездит теперь на работу в автобусе.
— В три! — нагдал народный любимец и вдруг узнал Кувандыкина.
— Митяй, ты, что ли?
— Я... — чуть не заплакал от радости ссыльный корреспондент.
— Здесь? Эка, парень, тебя уконтропупили! Из-за меня?

— За вас.
— А ну-ка, дыхни! Хм... "Андроповка"?
— Угу.
— Лучком закусывал?
— Ага.
— Эко ж тебя снизили. А ну, пойдём!

Они зашли в директорский кабинет, откуда выставили всех посторонних, включая руководство завода.

Ельцин махнул рукой, и тут же был принесён большой металлический контейнер.
— Это мой ядерный чемоданчик, — многообещающе ухмыльнулся будущий президент.

Коржаков откинул крышку: внутри переносного холодильника теснились покрытые изморозью литровые бутылки с синей надписью "Absolut" — напиток, неведомый в здешних краях.

— Ну, Митяй, за нашу победу!
...В августе 1991-го Кувандыкина вызвали в Москву, в Останкино, где для него завели специальную редакцию "Общечеловеческих ценностей", но, так как никто не знал, что это такое, делать ему ничего не приходилось, он просто являлся на работу, сидел в кабинете с видом на пруд, чутко ожидая, когда позвонит "вертушка" и родной голос Коржакова ласково скажет: "Дмитрий Васильевич, машина за вами вышла. Борис Николаевич ждёт..." И вскоре чёрный лимузин с проблесковым маячком, пронзительно вой, нёс журналиста в Кремль или в Завидово. Случалось такое нечасто, иногда раз в квартал, а то и реже, но первый президент свободной России почему-то любил выпить именно с Митей, жалясь ему, как трудно искоренять сталинский коммунизм и реформировать монстра планового хозяйства, выдавливая из советского народа до каплям тоталитарного раба. Особенно гаранту нравилось наблюдать, как Митяй, постепенно пьянея, глумел буквально на глазах и в конце концов падает лицом в царские разносолы. Тогда президент победно усмехался и говорил с удовлетворением:

— Слабый журналист пошёл, никудышный.
Появлялась охрана и бережно доставляла Кувандыкина по месту жительства в дом из бежевого кирпича на Лесной улице. Время шло, и Борис Николаевич, пивший за троих, всё хуже держал удар, иной раз потрясая человечеством неапротокольными хмельными выходками и внезапными выпадениями из исторической реальности, но чуткий Митяй, видя недобрые перемены, всякий раз артистично вырубался раньше своего державного собутыльника, хотя, бывало, их выносили почти одновременно, но Кувандыкина всё-таки первым, а уж следом таскали Ельцина, бормочущего:

— Слабый журналист пошёл, никудышный.
Удивительное дело: завещая власть Сенсено, Борис Николаевич не только попросил его "беречь Россию", но и передал ему, по слухам, обширный список обязательств и гарантий, которые принял на себя новый хозяин Кремля. В этих "кондициях" под номером "184" значилось, что Кувандыкина Д.В. надлежит пожизненно обеспечить высокооплачиваемой должностью и качественным алкоголем.

Когда Дон получил на кормление "Арт-канал", отремонтировал здание и стал формировать коллектив, то с изумлением обнаружил, что Митя давно уже сидит в просторном кабинете и читает "Караван историй". Беспокойный Боря хотел очертить круг обязанностей старшего редактора, но позволили с самого верха и попросили оставить человека в покое. Отличную водку с бочонком красной икры Мите ежемесячно присылали на дом — два ящика ставили на пороге и звонили в дверь. Он открывал, расписывался в спецнакладной и тихо улыбался своему несметному счастью.

ЮНКОР КУВАНДЫКИН

Глава из романа Юрия ПОЛЯКОВА «Дедушка влюбился»

родившаяся в Бонне, где на переднем крае холодной войны трудились её родители. Так вот: если от парня, положившего на неё глаз, не воняло реликтовым перегаром, сигаретами "Памир" и дешёвым одеколоном "Шипр", если на руках не было синих тюремных наколок, а под ногтями грязь, он не имел никаких шансов вызвать у прекрасной гордячки ответные чувства. Не-что подобное случается иногда с нацией, выбирающей себе вождя.

Видя, как опальный Ельцин входит в силу, становясь любимцем масс, Горби по настоянию жены приказал его морально уничтожить в глазах общественности, всё ещё советской. А что такое общественность? Это люди, которые читают одни и те же газеты, слушают одно и то же радио, смотрят одно и то же телевидение. Прикинули и решили взять у первого заместителя председателя Стройкомитета СССР такое коварное интервью, чтобы все поняли, от какого гнусного бузотёра избавилась партия, и тогда его ни за какие коврижки не выберут делегатом на Первый съезд народных депутатов. Мишка, дурья башка, в ту пору решил упрочить свою власть с помощью демократии, а это — как укреплять здоровье посредством усердного ежедневного пьянства, заядлого курения и бессистемного разврата.

Указание спустили в Останкино, Кравченко принял к исполнению и дал задание профильной редакции. Однако народ в целом и журналисты в особенности к тому времени настолько разболтались, что все известные репортёры, работающие в кадре, от задания уклонились. Мало ли что! Во-первых, если наверху интервью не понравится, покажется недостаточно разоблачительным, можно крупно пострадать, например, вылететь из очереди на улучшение жилищных условий. Во-вторых, вдруг завтра свердловский скандалист в дамки выйдет? Тогда что? О его мстительности по Москве бродили мрачные слухи: несколько ответственных горкомовских работников, попавших к нему в немиловость, наложили на себя руки.

И тут кто-то умный посоветовал запаниковавшему начальство послать к Ельцину Кувандыкина, мол, парня всё равно надо убирать с телевидения за профнепригодность, на него в случае чего всё и свалим. Сказано — сделано. И вот Митяй, тяпнув для храбрости бутылочку коньяка, которую всегда держал в ящике письменного стола, несмотря на всенародную борьбу с пьянством, отправился со съёмочной группой на Лесную улицу в цеховский дом из бежевого кирпича, населённый исключительно номенклатурой, будто кибуц евреями. Там-то и коротал опальные дни Ельцин. Хозяин тоже с утра не квасом заправлялся и встретил гостя сурово:

— Как звать-то?
— Дмитрий.
— Фамилия?
— Кувандыкин.
— Сложно, но запомню. Ну что, Митяй, позорить меня прибыло?
— Позорить, — вздохнул посланец тёмных сил.
— Ну, опозоришь, получишь свои тридцать сребренников или что там тебе обещали, а дальше что? Кто ж с привилегиями бороться будет?
— Даже не знаю, Борис Николаевич...
— А ну дыхни!

Митя понял, что его карьера сейчас оборвётся, как жизнь таракана под каблучком, что надо бежать куда глаза глядят, но какая-то властная сила заставила его подойти вплотную к опальному начальнику и старательно дыхнуть.
— Коньяк? — поморщившись, уточнил Ельцин.

Юрий Емельянов выступал консультантом во время съёмок фильма «Освобождение» (1968–1971) и даже снялся в роли переводчика Сталина на конференции в Тегеране

ПАМЯТИ ИСТОРИКА ЕМЕЛЬЯНОВА

Ушёл из жизни историк Юрий Васильевич Емельянов, замечательный человек, талантливый литератор, автор множества книг и монографий, сын выдающегося советского партийного и государственного деятеля, главы Госкомитета Совмина СССР по использованию атомной энергии Василия Емельянова.

В самый разгар перестройки, в период инспирированной из ЦК КПСС кампании по "очернению белых пятен советской истории", на фоне вала фальшивок (публикуемых в промышленных масштабах журналом "Огонёк" Виталия Коротича) вышла в свет очень взвешенная, проницательная и честная книга о Николае Бухарине. Будучи студентом, я прочитал её с огромным интересом, тогда и запомнил имя и фамилию автора: Юрий Емельянов.

Позже вышла знаменитая диалогия Емельянова, посвящённая Сталину ("Сталин: Путь к власти" и "Сталин: На вершине власти"). В книге "Рождение и гибель цивилизаций. Как узать судьбу народов?", написанной в 1998 году, Емельянов задаётся вопросом, который мучает и меня, и многих, кто пережил русскую Катастрофу.

"Для объяснения, почему страна вдруг резко изменила направление своего пути, а затем свела счёты с жизнью, было предложено несколько версий. В гibelи СССР обвиняли мафию и говорили о "криминальной революции". Для таких обвинений были веские основания, ибо роль преступных организаций в жизни России чрезвычайно возросла. Однако никто не видел, чтобы банды захватывали Кремль и чтобы "воры в законе" принимали парады на Красной площади.

Обвиняли США и особенно ЦРУ. Для таких обвинений также есть причины. Никто иной как президент США Джордж Буш поздравил Америку с победой в "холодной войне". Помощь США силам, дестабилизировавшим страну, трудно переоценить. И всё же американские солдаты оставались с своих баз, и авиация США не бомбила СССР.

Говорили об экономическом кризисе, который погубил страну. Действительно, в последние месяцы её существования в стране возникли острые хозяйственные проблемы. Однако нельзя сказать, что события, приведшие СССР к краху, были вызваны экономическим кризисом. Политический

кризис парализовал страну, когда она ещё уверенно развивалась.

Утверждали, что страну разъедали социальные проблемы. Однако СССР погиб не в результате бунта голодных и отчаявшихся людей. Хотя в 1988–1991 годы в ряде городов страны происходили волнения, но ни в столице страны, и ни в одном её городе бунтари не сумели захватить какого-либо государственного учреждения. Ни один военачальник не попытался совершить государственный или сепаратистский переворот. Очевидно, что в СССР не произошло никаких событий, которые хотя бы отдаленно напоминали те, что с древних времён приводили к гибели великие державы".

Последние годы Юрий Емельянов был частым гостем на наших форумах и конференциях, вот и в Крещенский Сочельник собирался на выступление в "День-центр", во встреча так и не состоялась. Было ему 88 лет.

Андрей ФЕФЕЛОВ

Коллективы газеты "Завтра" и телеканала "День", сотрудники "День-центра" выражают искренние соболезнования родным и близким Юрия Васильевича.